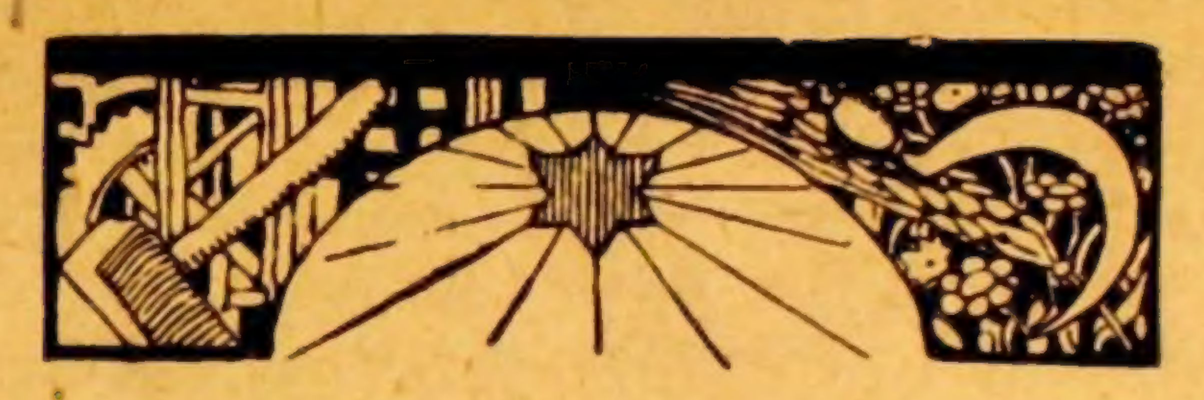
Ц. 35 к. № 3.

Л. Н. Толстой

ЗА ЧТО?

Разсказ из времен польских возстаній.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтов Р., С., К. и К. Депутатов
МОСКВА—1918.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ЗА ЧТО?

I.

Въ 1830 году весною къ пану Ячевскому въ его родовое имѣніе Рожанку пріѣхалъ единственный сынъ его умершаго друга, молодой Іосифъ Мигурскій. Ячевскій былъ 65-тилѣтній широколобый, широкоплечій, широкогрудый старикъ, съ длинными бѣлыми усами на кирпично-красномъ лицѣ, патріотъ временъ второго раздѣла Польши. Онъ юношей вмѣстѣ съ Мигурскимъ-отцомъ служилъ подъ знаменами Костюшки и всѣми силами своей патріотической души ненавидѣлъ апокалиптическую, какъ онъ называлъ ее, любовницу Екатерину II и измѣнника, мерзкаго ея любовника Понятовскаго, и такъ же вѣрилъ въ возстановленіе Рѣчи Посполитой, какъ вѣрилъ ночью, что къ утру опять взойдетъ солнце. Въ 12-мъ году онъ командовалъ полкомъ въ войскахъ Наполеона, котораго онъ обожалъ. Погибель Наполеона огорчила его, но онъ не отчаивался въ возстановленіи, хотя и искалѣченнаго, но все-таки царства Польскаго. Открытіе сейма въ Варшавѣ Александромъ I оживило его надежды, но Священный союзъ, реакція во всей Европѣ, самодурство Константина отдаляло осуществленіе завѣт желанія... Съ 25-го года Ячевскій поселился въ деревнѣ и безвыѣздно жилъ въ своей Рожанкѣ, занимая время хозяйствомъ, охотой и чтеніемъ газетъ и писемъ, посредствомъ которыхъ онъ все-таки горячо слѣ-

дилъ за политическими событіями въ своемъ отечествѣ. Онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на бѣдной, красивой шляхтянкѣ, и бракъ этотъ былъ несчастливъ. Онъ не любилъ и не уважалъ этой своей второй жены, тяготился ею, дурно, грубо обращался съ нею, какъ будто вымещая на ней свою ошибку втораго брака. Дѣтей отъ второй жены не было. Отъ первой же жены было двѣ дочери: старшая Ванда, величавая красавица, знавшая цѣну своей красотѣ и скучавшая въ деревнѣ, и меньшая, Альбина, любимца отца — живая костлявая дѣвочка, съ вьющимися бѣлокурыми волосами и широко, какъ у отца, разставленными большими, блестящими, сѣрыми глазами.

Альбинѣ было 15 лѣтъ, когда пріѣхалъ Іосифъ Мигурскій. Мигурскій и прежде, студентомъ, бывалъ у Ячевскихъ въ Вильнѣ, гдѣ они жили по зимамъ, и ухаживалъ за Вандой, теперь же въ первый разъ уже вполнѣ взрослымъ, свободнымъ человѣкомъ пріѣхалъ къ нимъ въ деревню. Пріѣздъ молодого Мигурскаго былъ пріятенъ всѣмъ жителямъ Рожанки. Старику Юзе Мигурскій былъ пріятенъ тѣмъ, что напоминалъ ему друга, его отца въ то время, какъ они были молоды, и тѣмъ, что съ жаромъ и самыми розовыми надеждами разсказывалъ о революціонномъ броженіи не только въ Польшѣ, но и за границей, откуда онъ только что пріѣхалъ.

Пани Ячевской Мигурскій былъ пріятенъ тѣмъ, что при гостяхъ старикъ Ячевскій сдерживался и не бранилъ ее за все, какъ обыкновенно. Вандѣ онъ былъ пріятенъ потому, что она была увѣрена, что Мигурскій пріѣхалъ для нея и намѣревается ей сдѣлать предложеніе; она готовилась дать ему согласіе, но намѣревалась, какъ она сама съ собой говорила: „lui tenir la dragée haute. Альбина была рада тому, что всѣ были

рады. Не одна Ванда была увѣрена въ томъ что Мигурскій пріѣхалъ съ намѣреніемъ сдѣлать ей предложеніе. Это думали всѣ въ домѣ отъ старика Ячевскаго до няни Лудвики, хотя и никто не говорилъ этого.

И это была правда. Мигурскій пріѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но, пробывъ недѣлю, онъ, чѣмъ-то смущенный и разстроенный, уѣхалъ, не сдѣлавъ предложенія. Всѣ были удивлены этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ, и никто, кромѣ Альбины, не понималъ его причины. Альбина знала, что причиной этого страннаго отъѣзда была она.

Во все время пребыванія его въ Рожанкѣ она замѣчала, что Мигурскій былъ особенно возбужденъ и веселъ только съ нею. Онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ, шутилъ съ ней, дразнилъ ее, но она женскимъ чутьемъ чуяла, что въ этомъ обращеніи его съ ней было не отношеніе взрослаго къ ребенку, а мужчины къ женщинѣ. Она видѣла это въ томъ любящемъ взглядѣ и ласковой улыбкѣ, съ которыми онъ встрѣчалъ ее, когда она входила въ комнату, и провожалъ, когда она выходила. Она не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое это было, но это его отношеніе къ ней веселило ее, и она невольно старалась дѣлать то, что нравилось ему. Нравилось же ему все, что она бы ни дѣлала. И потому она въ его присутствіи съ особеннымъ возбужденіемъ дѣлала все, что дѣлала. Ему нравилось, какъ она наперегонки бѣгала съ прекраснымъ хортымъ (борзая собака), прыгавшимъ на нее и лизавшимъ ее въ раскраснѣвшееся сіяющее лицо; нравилось, какъ она при малѣйшемъ поводѣ заливалась заразительно звонкимъ смѣхомъ; нравилось, какъ она, продолжая весело смѣяться, глазами принимала серьезный видъ при скучной про-

повѣди ксендза; нравилось, какъ съ необыкновенной вѣрностью и комизмомъ представляла то старую няню, то пьянаго сосѣда, то его самого, Мигурскаго, мгновенно переходя отъ изображенія одного къ изображенію другого. Нравилась, главное, ея восторженная жизнерадостность. Точно какъ будто она только что сейчасъ узнала вполнѣ всю прелесть жизни и спѣшила воспользоваться ею. Ему нравилась эта особенная ея жизнерадостность, а жизнерадостность эта возбуждалась и усиливалась именно тѣмъ, что она знала, что эта жизнерадостность восхищаетъ его. И потому одна Альбина знала, отчего Мигурскій, пріѣхавшій, чтобы сдѣлать предложеніе Вандѣ, уѣхалъ, не сдѣлавъ его. Хотя она никому не рѣшилась бы сказать этого, не говорила этого ясно и сама себѣ, она въ глубинѣ души знала, что онъ хотѣлъ полюбить сестру, а полюбилъ ее, Альбину. Альбина очень удивлялась этому, считая себя вполнѣ ничтожной въ сравненіи съ умной, образованной, красавицей Вандой, но не могла не знать, что это такъ, и не могла не радоваться этому, потому что сама всѣми силами своей души полюбила Мигурскаго, полюбила такъ, какъ любятъ только въ первый разъ и только одинъ разъ въ жизни.

II.

Въ концѣ лѣта газеты принесли извѣстіе о Парижской революціи. Вслѣдъ за этимъ стали приходить извѣстія о готовящихся безпорядкахъ въ Варшавѣ. Ячевскій со страхомъ и надеждой ожидалъ съ каждой почтой извѣстія объ убійствѣ Константина и началѣ революціи. Наконецъ въ ноябрѣ получилась въ Рожанкѣ сначала вѣсть о нападеніи на бельведеръ, о бѣгствѣ Константина Павловича, потомъ о томъ, что

сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенной польскаго престола, что Хлопицкій объявленъ диктаторомъ, и польскій народъ опять свободенъ. Возстаніе не дошло еще до Рожанки, но всѣ обитатели ея слѣдили за ходомъ его, ожидали его у себя и готовились къ нему. Старикъ Ячевскій переписывался со старымъ знакомымъ, однимъ изъ главарей возстанія, принималъ таинственныхъ евреевъ-факторовъ, не по хозяйственнымъ, а по революціоннымъ дѣламъ, и готовился присоединиться къ возстанію, когда настанетъ время. Пани Ячевская не только какъ всегда, но еще болѣе, чѣмъ всегда, заботилась о матеріальныхъ удобствахъ мужа и, какъ всегда, этимъ самымъ все больше и больше раздражала его. Ванда отослала свои бриліанты подругѣ въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги отдать въ революціонный комитетъ. Альбина интересовалась только тѣмъ, что дѣлаетъ Мигурскій. Черезъ отца она знала, что онъ поступилъ въ отрядъ Дверницкаго, и старалась узнать все то, что касалось этого отряда. Мигурскій писалъ два раза: одинъ разъ извѣщалъ о томъ, что онъ поступилъ въ войско, другой разъ въ половинѣ февраля писалъ восторженное письмо о побѣдѣ поляковъ при Стогекѣ, гдѣ взяли 6 русскихъ орудій и плѣнныхъ.

„Zwyciestwo Polaków i kleska Moscali! Wiwat!“ заканчивалъ онъ письмо. Альбина была въ восторгѣ. Она разсматривала карту, разсчитывала, гдѣ и когда должны быть окончательно побѣждены москали, и блѣднѣла и дрожала, когда отецъ медленно распечатывалъ привезенные съ почты пакеты. Одинъ разъ мачеха, зайдя въ ея комнату, застала ее передъ зеркаломъ въ панталонахъ и конфедераткѣ. Альбина готовилась въ мужскомъ платьѣ бѣжать изъ дома, чтобы присоединиться къ польскому войску. Мачеха сказала отцу.

Отецъ призвалъ дочь къ себѣ и, скрывая свое сочувствіе ей, даже восхищеніе передъ ней, сдѣлалъ ей строгій выговоръ, требуя чтобы она выбросила изъ головы глупыя мысли объ участіи въ войнѣ. «У женщины есть другое дѣло: любить и тѣшить тѣхъ, которые жертвуютъ собой за отчизну», сказалъ онъ ей. Теперь она нужна ему, составляя его радость и утѣшеніе, а придетъ время, она такъ же нужна будетъ мужу. Онъ зналъ, чѣмъ подѣйствовать на нее. Онъ намекнулъ ей на то, что онъ одинокъ и несчастенъ. Она прижалась къ нему лицомъ, скрывая слезы, которыя все-таки намочили рукавъ его халата, и обѣщала ему ничего не предпринимать безъ его согласія.

III.

Только люди, испытавшіе то, что испытали поляки послѣ раздѣла Польши и подчиненія одной части ея власти ненавистныхъ нѣмцевъ, другой—власти еще болѣе ненавистныхъ москалей, могутъ понять тотъ восторгъ, который испытывали поляки въ 30-мъ и 31-мъ году, когда послѣ прежнихъ несчастныхъ попытокъ освобожденія новая надежда освобожденія казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишкомъ несоразмѣрны, и революція была опять задавлена. Опять безсмысленно повинующіеся десятки тысячъ русскихъ людей были пригнаны въ Польшу и подъ начальствомъ то Дибича, то Паскевича и высшаго распорядителя Николая I, сами не зная зачѣмъ они дѣлаютъ это, пропитавъ землю кровью своей и своихъ братьевъ-поляковъ, задавили ихъ и отдали опять во власть слабыхъ и ничтожныхъ людей, не желающихъ ни свободы, ни подавленія поляковъ, а

только одного: удовлетворенія своего корыстолюбія и ребяческаго тщеславія.

Варшава была взята, отдѣльные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были разстрѣлены, забиты палками, сосланы. Въ числѣ сосланныхъ былъ и молодой Мигурскій. Имѣніе его было конфисковано, а самъ онъ опредѣленъ солдатомъ въ линейный баталіонъ въ Уральскъ.

Ячевскіе жили зиму 1832 года въ Вильнѣ для здоровья старика, послѣ 31-го года страдавшаго болѣзнью сердце. Здѣсь пришло къ нимъ письмо отъ Мигурскаго изъ крѣпости. Онъ писалъ, что, какъ ни тяжело для него было то, что онъ перенесъ и что предстоитъ ему, онъ радъ тому, что ему пришлось пострадать за отчизну, что онъ не отчаивается въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое онъ отдалъ часть своей жизни и готовъ отдать остатокъ ея, и что если бы завтра явилась новая возможность, онъ поступилъ бы такъ же. Читая письмо вслухъ, старикъ зарыдалъ на этомъ мѣстѣ и долго не могъ продолжать. Въ остальной части письма, которую вслухъ прочла Ванда, Мигурскій писалъ, что какія бы ни были его желанія и мечты въ тотъ послѣдній его пріѣздъ, который останется вѣчно самой свѣтлой точкой во всей его жизни, онъ теперь и не можетъ и не хочетъ говорить про нихъ.

Ванда и Альбина поняли каждая по-своему значеніе этихъ словъ, но никому не объяснили того, какъ онѣ ихъ поняли. Въ концѣ письма Мигурскій посылалъ привѣтствіе всѣмъ и между прочимъ съ тѣмъ же игривымъ тономъ, съ которымъ онъ обращался съ Альбиной во время своего пріѣзда, обращался къ ней и въ письмѣ, спрашивая ее, такъ же ли она быстро бѣгаетъ, перегоняя собакъ, и такъ ли хорошо передразниваетъ всѣхъ. Онъ желалъ здоровья старику, успѣха въ хозяйствен-

ныхъ дѣлахъ матери, достойнаго мужа Вандѣ и продолженія той же жизнерадостности Альбинѣ.

IV.

Здоровье старика Ячевскаго шло все хуже и хуже, и въ 1833 г. вся семья переѣхала за границу. Ванда встрѣтила въ Баденѣ богатаго польскаго эмигранта и вышла за него замужъ. Болѣзнь старика быстро ухудшалась, и въ началѣ 1833 г. онъ умеръ за границей на рукахъ Альбины. Жену онъ не допускалъ ходить за собой и до послѣдней минуты не могъ простить ей той ошибки, которую сдѣлалъ, женившись на ней. Пани Ячевская вернулась съ Альбиной въ деревню. Главный интересъ въ жизни Альбины былъ Мигурскій. Въ ея глазахъ это былъ величайшій герой и мученикъ, служенію которому она рѣшила посвятить свою жизнь. Еще до отъѣзда за границу она начала переписываться съ нимъ. Сначала по порученію отца, потомъ отъ себя. Послѣ смерти отца она, вернувшись въ Россію, продолжала переписываться съ нимъ, а когда ей минуло 18 лѣтъ, объявила мачехѣ, что она рѣшила ѣхать въ Уральскъ къ Мигурскому съ тѣмъ, чтобы выйти тамъ за него замужъ. Мачеха стала упрекать Мигурскаго за то, что онъ эгоистически хочетъ обезпечить свое тяжелое положеніе тѣмъ, чтобы, увлекши богатую дѣвушку, заставить ее раздѣлить его несчастье. Альбина разсердилась и объявила мачехѣ, что только она одна можетъ приписывать такія подлыя мысли человѣку, пожертвовавшему всѣмъ для своего народа, что Мигурскій, напротивъ, отказывался отъ той помощи, которую она предлагала ему, и что она безповоротно рѣшила ѣхать къ нему и выйти за него замужъ, если онъ только захочетъ дать ей это счастье. Альбина

была совершеннолѣтняя, и деньги у нея были,—тѣ 300.000 золотыхъ, которые покойникъ дядя оставилъ двумъ племянницамъ. Такъ что ничего не могло задержать ее.

Въ ноябрѣ 1833 года Альбина простилась съ домашними, какъ на смерть, со слезами провожавшими ее въ дальній, невѣдомый край варварской Московіи, сѣла со старой преданной няней Лудвикой, которую она брала съ собой, въ отцовскій, вновь исправленный для дальней дороги возокъ и пустилась въ дальнюю дорогу.

V.

Мигурскій жилъ не въ казармахъ, а на своей отдѣльной квартирѣ. Николай Павловичъ требовалъ, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпѣли всѣ тѣ униженія, которымъ подвергались въ это время рядовые солдаты; но большинство тѣхъ простыхъ людей, которые должны были исполнять эти его распоряженія, понимали всю тяжесть положенія этихъ разжалованныхъ и, несмотря на опасность неисполненія его воли, гдѣ могли, не исполнили ея. Полуграмотный, выслужившійся изъ солдатъ командиръ того батальона, въ который былъ зачисленъ Мигурскій, понималъ положеніе бывшаго богатаго, образованнаго молодого человѣка, лишившагося всего, жалѣлъ его и уважалъ, и дѣлалъ ему всякаго рода послабленія. И Мигурскій не могъ не оцѣнить добродушія подполковника, съ бѣлыми бакенбардами на одутловатомъ солдатскомъ лицѣ, и чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся въ корпусъ, математикѣ и французскому языку.

Жизнь Мигурскаго въ Уральскѣ, тянувшаяся уже седьмой мѣсяцъ, была не только однообразная, унылая и скучаная, но и тяжелая. Знакомствъ, кромѣ батальоннаго командира, съ которымъ онъ старался держаться какъ можно дальше, у него былъ только одинъ сосланный полякъ, мало образованный и пронырливый, неприятный человѣкъ, занимавшійся здѣсь торговлей рыбой. Главная же тяжесть жизни Мигурскаго состояла въ томъ, что ему трудно было привыкать къ нуждѣ. Средствъ у него послѣ конфискаціи ему имущества не было никакихъ, и онъ перебивался продажей золотыхъ вещей, которыя у него остались.

Единственная и большая радость его жизни послѣ его ссылки была переписка съ Альбиной, поэтическое, милое представленіе о которой со времени посѣщенія его Рожанки осталось у него въ душѣ и становилось теперь въ изгнаніи все прекраснѣе и прекраснѣе. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ она, между прочимъ, спрашивала его, что значатъ слова его давнишняго письма «какія бы ни были мои желанія и мечты». Онъ отвѣчалъ ей, что теперь онъ можетъ признаться ей, что мечты его были о томъ, чтобы назвать ее своей женой. Она отвѣтила ему, что любитъ его. Онъ отвѣтилъ, что лучше бы она не писала этого, потому что ужасно думать о томъ, что могло бы быть и теперь невозможно. Она отвѣтила, что это не только возможно, но что это непремѣнно будетъ. Онъ отвѣчалъ ей, что не можетъ принять ея жертвы, что въ теперешнемъ положеніи его это невозможно. Вскорѣ послѣ своего этого письма онъ получилъ повѣстку на 2.000 золотыхъ. По штемпелю конверта и почерку онъ узналъ, что это было прислано отъ Альбины и вспомнилъ, что въ одномъ изъ первыхъ писемъ въ шуточномъ тонѣ онъ описывалъ ей то удовольствіе, которое онъ испы-

тываетъ теперь, уроками зарабатывая все, что ему нужно,—денегъ на чай, табакъ и даже книги. Переложивъ деньги въ другой конвертъ, онъ отослалъ ихъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ ее не портить ихъ святыхъ отношеній деньгами. У него всего было довольно, писалъ онъ, и онъ вполнѣ счастливъ, зная, что имѣетъ такого друга, какъ она. На этомъ остановилась ихъ переписка.

Въ ноябрѣ Мигурскій сидѣлъ у подполковника давая урокъ мальчикамъ, когда послышался звукъ приближающагося почтоваго колокольца и заскрипѣли по морозному снѣгу полозья саней и остановились у подъѣзда. Дѣти вскочили, чтобы узнать, кто пріѣхалъ. Мигурскій остался въ комнатѣ, глядя на дверь и ожидая возвращенія дѣтей, но въ дверь вошла сама подполковница.

— А къ вамъ, «панъ», какія-то барыни пріѣхали, васъ спрашиваютъ,—сказала она.—Должно, съ вашей стороны, похоже полячки.

Если бы Мигурскаго спросили, считаетъ ли онъ возможнымъ пріѣздъ къ нему Альбины, онъ бы сказалъ, что это немыслимо; въ глубинѣ же души онъ ждалъ ее. Кровь прилила ему къ сердцу, и онъ, задыхаясь, выбѣжалъ въ переднюю. Въ передней развязывала платокъ на головѣ толстая рябая женщина. Другая женщина входила въ дверь квартиры полковника. Услыхавъ за собой шаги, она обернулась. Изъ-подъ капора сіяли жизнерадостные, широко разставленные, блестящіе глаза съ заиндевѣвшими рѣсницами Альбины. Онъ остолбенѣлъ и не зналъ, какъ встрѣтить ее какъ здороваться. «Юзе!» вскрикнула она, называя его такъ, какъ называлъ его отецъ и какъ сама съ собой она называла его, обхватила руками его шею, прильнула къ

его лицу своимъ зардѣвшимся холоднымъ лицомъ и засмѣялась и заплакала.

Узнавъ, кто такая Альбина и зачѣмъ она пріѣхала, добрая полковница приняла ее и помѣстила до свадьбы у себя.

VI.

Добродушный подполковникъ выхлопоталъ разрѣшеніе высшаго начальства. Изъ Оренбурга выписали ксендза и обвѣнчали Мигурскихъ. Жена батальоннаго командира была посаженою матерью, одинъ изъ учениковъ несъ образъ, а Бржозовскій, сосланный полякъ, былъ шаферомъ.

Альбина, какъ ни странно это можетъ казаться, страстно любила своего мужа, но совсѣмъ не знала его. Она теперь только знакомилась съ нимъ. Само собой разумѣется, что она нашла въ живомъ человѣкѣ съ плотью и кровью много такого обыденнаго и непоэтическаго, чего не было въ томъ образѣ, который она носила и растила въ своемъ воображеніи. Но зато, именно потому, что это былъ человѣкъ съ плотью и кровью, она нашла въ немъ много такого простого, хорошаго, чего не было въ томъ отвлеченномъ образѣ. Она слышала отъ знакомыхъ и друзей про его храбрость на войнѣ и знала про его мужество при потерѣ состоянія и свободы, и представляла себѣ его героемъ, всегда живущимъ возвышенной геройской жизнью, въ дѣйствительности же со своей необыкновенной физической силой и храбростью онъ оказался кроткимъ, смирнымъ ягненкомъ, самымъ простымъ человѣкомъ, съ добродушными шутками, съ той самой дѣтской улыбкой чувственнаго рта, окруженнаго бѣлокурой бородкой и усами, которая прельстила ее еще въ

Рожанкѣ, и съ неугасимой трубкой, которая была ей особенно тяжела во время беременности.

Мигурскій тоже только теперь узналъ Альбину, и въ Альбинѣ въ первый разъ узналъ женщину. По тѣмъ женщинамъ, которыхъ онъ зналъ до женитьбы, онъ не могъ знать женщинъ. И то, что онъ узналъ въ Альбинѣ, какъ въ женщинѣ вообще, удивило его и скорѣе могло бы разочаровать его въ жизни вообще, если бы онъ не чувствовалъ къ Альбинѣ какъ къ Альбинѣ, особенно нѣжнаго и благодарнаго чувства. Къ Альбинѣ, какъ къ женщинѣ вообще, онъ чувствовалъ ласковое, нѣсколько ироническое снисхожденія, къ Альбинѣ же, какъ къ Альбинѣ,—не только нѣжную любовь, но и восхищеніе, сознаніе неоплатнаго долга за ея жертву, давшую ему незаслуженное счастье.

Мигурскіе были счастливы любовью. Направивъ всю силу своей любви другъ на друга, они испытывали среди чужихъ людей чувство двухъ заблудившихся зимой замерзающихъ, отогрѣвающихъ другъ друга. Радостной жизни Мигурскихъ содѣйствовало и участіе въ ихъ жизни рабски-самоотверженно преданной своей панюсѣ, добродушно-ворчливой, комической, влюбляющейся во всѣхъ мужчинъ няни Лудвики. Мигурскіе были счастливы и дѣтьми. Черезъ годъ родился мальчикъ. Черезъ полтора года—дѣвочка. Мальчикъ былъ повтореніе матери: тѣ же глаза и та же рѣзвость и грація. Дѣвочка была здоровый, красивый звѣрокъ.

Несчастны же Мигурскіе были удаленіемъ отъ родины и, главное, тяжестью своего непріятно-униженнаго положенія. Особенно страдала за это униженіе Альбина. Онъ, ея Юзе, герой, идеалъ человѣка, долженъ былъ вытягиваться передъ всякимъ офицеромъ,

дѣлать ружейные пріемы, ходить въ караулъ и безропотно повиноваться.

Кромѣ того, извѣстія изъ Польши получались самыя тяжелыя. Почти всѣ близкіе родные, друзья были или сосланы или, лишившись всего, бѣжали за границу. Для самихъ же Мигурскихъ не предвидѣлось какого-либо конца этому положенію. Всѣ попытки ходатайствовать о прощеніи или хотя бы объ улучшеніи положенія, о производствѣ въ офицеры, не достигали цѣли. Николай Павловичъ дѣлалъ смотры, парады ученія, ходилъ по маскарадамъ, заигрывалъ съ масками, скакалъ безъ надобности по Россіи изъ Чугуева въ Новороссійскъ, Петербургъ и Москву, пугая народъ и загоняя лошадей, и когда какой-нибудь смѣльчакъ рѣшался докладывать, прося смягченія участи сосланныхъ декабристовъ или поляковъ, страдающихъ изъ-за той любви къ отечеству, которая имъ же восхвалялась, онъ, выпячивая грудь, останавливалъ на чемъ попало свои оловянные глаза и говорилъ: «Пускай служатъ. Рано», какъ будто онъ зналъ, когда будетъ не рано и когда будетъ время. И всѣ приближенные: генералы, камергеры и ихъ жены, кормившіеся около него, умилялись передъ необычайною прозорливостью и мудростью этого великаго человѣка.

Въ общемъ все-таки въ жизни Мигурскихъ было болѣе счастья, чѣмъ несчастья.

Такъ прожили они пять лѣтъ. Но вдругъ обрушилось на нихъ неожиданное, страшное горе. Заболѣла сначала дѣвочка, черезъ два дня заболѣлъ мальчикъ горѣлъ три дня и безъ помощи врачей (никого нельзя было найти) на четвертый день умеръ. Черезъ два дня послѣ него умерла и дѣвочка.

Альбина не утопилась въ Уралѣ только потому, что

не могла безъ ужаса представить себѣ положенія мужа при извѣстіи объ ея самоубійствѣ. Но жить ей было трудно. Всегда прежде дѣятельная и заботливая, она теперь, предоставивъ всѣ свои заботы Лудвикѣ, сидѣла часами безъ дѣла, молча глядя на то, что попадалось подъ глаза, а то вдругъ вскакивала и убѣгала въ свою каморку и тамъ, не отвѣчая на утѣшенія мужа и Лудвики, тихо плакала, только качая головой, прося ихъ уйти и оставить ее одну.

Лѣтомъ она уходила на могилу дѣтей, и тамъ сидѣла, раздирая себѣ сердце воспоминаніями о томъ, что было и что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о томъ, что дѣти могли бы остаться живы, если бы они жили въ городѣ, гдѣ могла бы быть подана медицинская помощь. «За что? за что?—думала она.— И Юзе, и я—мы ничего ни отъ кого не хотимъ, кромѣ того, чтобы ему жить такъ, какъ онъ родился и жили его дѣды и прадѣды, а мнѣ только чтобы жить съ нимъ, любить его, любить моихъ крошекъ, воспитывать ихъ».

«И вдругъ его мучаютъ, ссылаютъ, а у меня отнимаютъ то, что мнѣ дороже свѣта. Зачѣмъ? за что?» задавала она этотъ вопросъ людямъ и Богу. И не могла представить себѣ возможности какого-нибудь отвѣта. А безъ этого отвѣта не было жизни, и жизнь ея остановилась. Бѣдная жизнь въ изгнаніи, которую она прежде умѣла украшать своимъ женскимъ вкусомъ и изяществомъ, стала теперь невыносима не только ей, но и Мигурскому, страдавшему за нее и не знавшему, чѣмъ помочь ей.

VII.

Въ это самое тяжелое для Мигурскихъ время прибылъ въ Уральскъ полякъ Росоловскій, замѣшанный

въ грандіозномъ планѣ возмущенія и побѣга, устроеннаго въ то время въ Сибири сосланнымъ ксэндзомъ Сироцинскимъ.

Росоловскій, такъ же какъ и Мигурскій, такъ же какъ и тысячи людей, наказанныхъ ссылкой въ Сибирь за то, что они хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ родились,—поляками, былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, наказанъ за это розгами и отданъ въ солдаты того же батальона, гдѣ былъ Мигурскій. Росоловскій, бывшій учитель математики, былъ длинный, сутоловатый, худой человѣкъ, съ впалыми щеками и нахмуреннымъ лбомъ.

Въ первый же вечеръ своего пребыванія Росоловскій, сидя за чаемъ у Мигурскихъ, сталъ, естественно, разсказывать своимъ медленнымъ, спокойнымъ басомъ про то дѣло, за которое онъ такъ жестоко пострадалъ. Дѣло состояло въ томъ, что Сироцинскій организовалъ по всей Сибири тайное общество, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы съ помощью поляковъ, зачисленныхъ въ казачьи и линейные полки, взбунтовать солдатъ и каторжныхъ, поднять поселенцевъ, захватить въ Омскѣ артиллерію и всѣхъ освободить.

— Да развѣ это было возможно?—спросилъ Мигурскій.

— Очень возможно, все было готово,—сказалъ Росоловскій, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно разсказалъ весь планъ освобожденія и всѣ принятыя мѣры для успѣха дѣла и въ случаѣ неуспѣха для спасенія заговорщиковъ. Успѣхъ былъ вѣрный, если бы не измѣнили два злодѣя. Сироцинскій, по словамъ Росоловскаго, былъ человѣкъ геніальный и великой душевной силы. Онъ и умеръ героемъ и мученикомъ. И Росоловскій ровнымъ, спокойнымъ басомъ сталъ разсказывать подробности казни, на которой, по приказанію начальства, онъ долженъ былъ присутствовать вмѣстѣ со всѣми судившимися по этому дѣлу.

— Два батальона солдатъ стояли въ два ряда, длинной улицей. У каждаго солдата въ рукѣ была гибкая палка, такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли входить въ дуло ружья. Первымъ повели доктора Шакальскаго. Два солдата вели его, а тѣ, которые были съ палками, били его по оголенной спинѣ, когда онъ равнялся съ ними. Я видѣлъ это только тогда, когда онъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. То я слышалъ только дробь барабана, но потомъ, когда становился слышенъ свистъ палокъ и звукъ ударовъ по тѣлу, я зналъ, что онъ подходитъ. И я видѣлъ, какъ его тянули за ружья солдаты, и онъ шелъ, вздрагивая и поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону. И разъ, когда его проводили мимо насъ, я слышалъ, какъ русскій врачъ говорилъ солдатамъ: «Не бейте больно, пожалѣйте». Но они все били, и когда его провели мимо меня второй разъ, онъ уже не шелъ самъ, а его тащили. Страшно было смотрѣть на его спину. Я зажмурился. Онъ упалъ и его унесли. Потомъ повели второго, потомъ третьяго, потомъ четвертаго. Всѣ падали, всѣхъ уносили,—однихъ замертво, другихъ еле живыми, и мы все должны были стоять и смотрѣть. Продолжалось это шесть часовъ—отъ ранняго утра и до двухъ часовъ пополудни. Послѣдняго повели самого Сироцинскаго. Я давно не видалъ его и не узналъ бы: такъ онъ постарѣлъ. Все въ морщинахъ бритое лицо его было блѣдно-зеленоватое. Тѣло обнаженное было худое, желтое, ребра такъ и выступали надъ втянутымъ животомъ. Онъ шелъ такъ же, какъ и всѣ, при каждомъ ударѣ вздрагивая и вздер-

гивая голову, но не стоналъ и громко читалъ молитву: Miserere mei Deus secundum magnam misericordiam tuam.

— Я самъ слышалъ,—быстро прохрипѣлъ Росоловскій и, закрывъ ротъ, засопѣлъ носомъ.

Лудвика, сидѣвшая у окна, рыдала, закрывъ глаза платкомъ.

—Охота вамъ расписывать! Звѣри—звѣри и есть!—вскрикнулъ Мигурскій и, бросивъ трубку вскочилъ со стула и быстрыми шагами ушелъ въ темную спальню. Альбина сидѣла какъ окаменѣвшая, уставивъ глаза въ темный уголъ.

VIII.

На другой день Мигурскій, придя домой съ ученія, былъ удивленъ и обрадованъ видомъ жены, которая, какъ въ старину, легкими шагами, съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его и повела въ спальню.

—Ну, Юзе, слушай.

—Слушаю. Что?

—Я всю ночь думала о томъ, что разсказалъ Росоловскій. И я рѣшила: я не могу жить такъ, не могу жить тутъ. Не могу! Я умру, но не останусь здѣсь.

—Да что же дѣлать?

—Бѣжать.

—Бѣжать? Какъ?

—Я все обдумала. Слушай,—и она разсказала ему тотъ планъ, который она придумала сегодня ночью. Планъ былъ такой. Онъ, Мигурскій, уйдетъ изъ дома вечеромъ и оставитъ на берегу Урала свою шинель и на шинели письмо, въ которомъ напишетъ, что лишаетъ себя жизни. Поймутъ, что онъ утопился. Будутъ искать, потомъ будутъ посылать бумаги.

А онъ спрячется. Она такъ спрячетъ его, что никто не найдетъ. Можно будетъ прожить такъ хоть мѣсяцъ. А когда все уляжется, они убѣгутъ.

Затѣя ея въ первую минуту показалась Мигурскому неисполнимой, но къ концу дня, когда она съ такой страстью и увѣренностью убѣждала его, онъ сталъ соглашаться съ нею. Кромѣ того, онъ былъ склоненъ согласиться еще и потому, что наказаніе за неудавшійся побѣгъ, такое же наказаніе, какъ то, про которое разсказывалъ Росоловскій, падало на него, Мигурскаго, успѣхъ же освобождалъ ее, а онъ видѣлъ, какъ послѣ смерти дѣтей тяжела ей была жизнь здѣсь.

Росоловскій и Лудвика были посвящены въ ихъ замыселъ, и послѣ долгихъ совѣщаній, измѣненій, поправокъ планъ побѣга былъ выработанъ. Сначала хотѣли сдѣлать такъ, чтобы Мигурскій послѣ того, какъ онъ будетъ признанъ утонувшимъ, бѣжалъ одинъ, пѣшкомъ. Альбина же выѣдетъ въ экипажѣ и въ условномъ мѣстѣ встрѣтитъ его. Такой былъ первый планъ. Но потомъ, когда Росоловскій разсказалъ про всѣ неудавшіяся попытки побѣговъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ Сибири (за все время убѣжалъ и спасся только одинъ счастливецъ), Альбина предложила другой планъ—тотъ, чтобы Юзе, спрятанный въ экипажѣ, ѣхалъ съ нею и Лудвикой до Саратова. Въ Саратовѣ же ему переодѣтому итти внизъ по берегу Волги и въ условномъ мѣстѣ сѣсть въ лодку, которую она найметъ въ Саратовѣ, и въ которой поплыветъ вмѣстѣ съ Альбиной внизъ по Волгѣ до Астрахани и черезъ Каспійское море въ Персію. Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми и главнымъ устроителемъ Росоловскимъ, но представлялась трудность устройства такого помѣщенія въ экипажѣ, которое не обратило бы

вниманія начальства и между тѣмъ могло бы вмѣстить въ себя человѣка. Когда же Альбина послѣ поѣздки на могилу дѣтей сказала Росоловскому, какъ ей больно оставить прахъ дѣтей на чужой сторонѣ, онъ, подумавъ, сказалъ:

—Просите начальство о разрѣшеніи взять съ собой гробы дѣтей, вамъ разрѣшатъ.

—Нѣтъ, я не хочу, не могу этого!—сказала Альбина.

—Просите. Въ этомъ все. Мы не возьмемъ гробовъ, а для нихъ сдѣлаемъ большой ящикъ и въ ящикъ положимъ Юзефа.

Въ первую минуту Альбина отвергла это предложеніе: такъ ей непріятно было связывать обманъ съ воспоминаніемъ о дѣтяхъ, но когда Мигурскій весело одобрилъ этотъ проэктъ, она согласилась.

Такъ что окончательный планъ выработался такой: Мигурскій сдѣлаетъ все то, что должно убѣдить начальника, что онъ утопился. Когда смерть его будетъ признана, Альбина подастъ прошеніе о томъ, чтобы ей послѣ смерти мужа разрѣшено было вернуться на родину и взять съ собой и прахъ дѣтей. Когда же ей дадутъ и это разрѣшеніе, будетъ сдѣлано подобіе того, что могилы раскопаны и гробы взяты, но гробы оставятъ на мѣстахъ, а вмѣсто дѣтскихъ гробовъ въ приготовленномъ для этого ящикѣ помѣстится Мигурскій. Ящикъ поставятъ въ тарантасъ и такъ доѣдутъ до Саратова. Отъ Саратова они сядутъ на лодку. Въ лодкѣ Юзе выйдетъ изъ ящика, и они поплывутъ до Каспійскаго моря, а тамъ Персія или Турція и—свобода.

IX

Прежде всего Мигурскіе купили тарантасъ подъ предлогомъ отправленія Лудвики на родину. Потомъ

началось устройство въ тарантасѣ такого ящика, въ которомъ, не задохнувшись, можно было-бы, хотя и скорчившись, лежать и изъ котораго можно было бы скоро и незамѣтно выходить и опять влѣзать. Втроемъ, Альбина, Росоловскій и самъ Мигурскій, придумывали и прилаживали ящикъ. Въ особенности важна была помощь Росоловскаго, который былъ хорошій столяръ. Ящикъ былъ сдѣланъ такъ, что, утвержденный на дрожинахъ позади кузова, онъ плотно приходился къ кузову, и стѣнка, приходившаяся къ кузову, отваливалась такъ, что человѣкъ, вынувъ стѣнку, могъ лежать частью въ ящикѣ, частью на днѣ тарантаса. Кромѣ того, въ ящикѣ были провернуты дыры для воздуха, и сверху и съ боковъ ящикъ долженъ былъ быть покрытъ рогожей и увязанъ веревками. Входить и выходить изъ него можно было черезъ тарантасъ, въ которомъ было сдѣлано сидѣнье.

Когда тарантасъ и ящикъ были готовы, еще до исчезновенія мужа, Альбина, чтобы приготовить начальство, пошла къ полковнику и заявила, что мужъ ея впалъ въ меланхолію и покушался на самоубійство, и она боится за него и проситъ на время отпустить его. Способность ея къ драматическому искусству пригодилась ей. Выражаемое ея безпокойство и страхъ за мужа были такъ естественны, что полковникъ былъ тронутъ и обѣщалъ сдѣлать ей, что можетъ. Послѣ этого Мигурскій сочинилъ письмо, которое должно было быть найдено за обшлагомъ его шинели на берегу Урала, и въ условный день, вечеромъ, онъ пошелъ къ Уралу, дождался темноты, положилъ на берегу одежду, шинель съ письмомъ, и тайно вернулся домой. На чердакѣ, запирающемся замкомъ, было приготовлено для него мѣсто. Ночью Альбина послала Лудвику къ полковнику заявить о

мужѣ, что онъ, выйдя изъ дому 20 часовъ назадъ, не возвращался. Утромъ ей принесли письмо мужа, и она съ выраженіемъ сильнаго отчаянія въ слезахъ отнесла его полковнику.

Черезъ недѣлю Альбина подала прошеніе объ отъѣздѣ на родину. Горе, выражаемое Мигурской, поражало всѣхъ, видѣвшихъ ее. Всѣ жалѣли несчастную мать и жену. Когда отъѣздъ ея былъ разрѣшенъ, она подала другое прошеніе—о позволеніи откопать трупы дѣтей и взять ихъ съ собой.

Начальство подивилось на эту сантиментальность, но разрѣшило и это.

На другой день послѣ полученія и этого разрѣшенія вечеромъ Росоловскій съ Альбиной и Лудвикой въ наемной телѣгѣ съ ящикомъ, въ который должны были быть вложены гробы дѣтей, пріѣхали на кладбищѣ, къ могилѣ дѣтей. Альбина, опустившись на колѣни у могилъ дѣтей, помолилась и скоро встала, отерла слезы и, обращаясь къ Росоловскому, сказала:

—Дѣлайте то, что надо, а я не могу,—и отошла въ сторону.

Росоловскій съ Лудвикой сдвинули надгробный камень и вскопали лопатой верхнія части могилы, такъ что могила имѣла видъ раскопанной. Когда все было сдѣлано, они кликнули Альбину и съ ящикомъ, наполненымъ землей, вернулись домой.

Наступилъ назначенный день отъѣзда. Росоловскій радовался успѣху доведеннаго почти до конца предпріятія. Лудвика напекла на дорогу печеній и пирожковъ и, приговаривая свою любимую поговорку „jak mame kocham“, говорила, что у ней сердце разрывается отъ страха и радости. Мигурскій радовался и своему освобожденію съ чердака, на которомъ онъ просидѣлъ больше мѣсяца, и больше всего—оживленію и

жизнерадостности Альбины. Она какъ будто забыла все прежнее горе и всѣ опасности и, какъ въ дѣвичье время, прибѣгая къ нему на чердакъ, сіяла восторженною радостью.

Въ три часа утра пришелъ казакъ провожатый и привелъ ямщика съ тройкой лошадей. Альбина съ Лудвикой и собачкой сѣли въ тарантасъ на подушки, покрытыя ковромъ. Казакъ и ямщикъ сѣли на козлы. Мигурскій, одѣтый въ крестьянское платье, лежалъ въ кузовѣ тарантаса.

Выѣхали изъ города, и добрая тройка понесла тарантасъ по гладкой, какъ камень, убитой дорогѣ между безконечной, непаханной, поросшей прошлогоднимъ серебристымъ ковылемъ, степью.

X.

Сердце замирало въ груди Альбины отъ надежды и восторга. Желая подѣлиться своими чувствами, она изрѣдка, чуть улыбаясь, указывала Лудвикѣ головой то на широкую спину казака, то на дно тарантаса. Лудвика съ значительнымъ видомъ неподвижно смотрѣла передъ собой и только чуть-чуть морщила губы. День былъ ясный. Со всѣхъ сторонъ разстилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристымъ ковылемъ на косыхъ лучахъ утренняго солнца. Только то съ той, то съ другой стороны жесткой дороги, по которой какъ по асфальту, гулко звучали некованныя, быстрыя ноги башкирскихъ коней, виднѣлись бугорки насыпанной земли сусликовъ; на заду сидѣлъ сторожевой звѣрокъ, предупреждающій объ опасности пронзительнымъ свистомъ, и скрывался въ нору. Рѣдко встрѣчались проѣзжіе: обозъ казаковъ съ пшеницей или конный башкиръ, съ которымъ казакъ бойко пе-

перекидывался татарскими словами. На всѣхъ станціяхъ лошади были свѣжія, сытыя, и полтинники на водку, которые давала Альбина, дѣлали то, что ямщики гнали, какъ они говорили, по-фельдъегерски, вскачь всю дорогу.

На первой же станціи, въ то время, какъ прежній ямщикъ увелъ, а новый не привелъ еще лошадей и казакъ вошелъ во дворъ, Альбина, перегнувшись, спросила мужа, какъ онъ себя чувствуетъ, не нужно ли ему что.

— Превосходно, покойно. Ничего не нужно. Легко пролежу хоть двое сутокъ.

Къ вечеру пріѣхали въ большое село Дергачи. Для того, чтобы мужъ могъ расправить члены и освѣжиться, Альбина остановилась не на почтовомъ, а на постояломъ дворѣ и тотчасъ же, давъ деньги казаку, послала его купить ей молока и яицъ. Тарантасъ стоялъ подъ навѣсомъ, на дворѣ было темно и, поставивъ Лудвику караулить казака, Альбина выпустила мужа, накормила его, и до возвращенія казака онъ опять влѣзъ въ свое потайное мѣсто. Послали опять за лошадьми и поѣхали дальше. Альбина чувствовала все большій и большій подъемъ духа и не могла удержать своего восторга и веселости. Говорить ей было больше не съ кѣмъ, какъ съ Лудвикой, казакомъ и Трезоркой, и она забавлялась ими. Лудвика, несмотря на свою некрасивость, при всякомъ отношеніи съ мужчиной тотчасъ же подозрѣвавшая въ этомъ мужчинѣ любовные на нее виды, подозрѣвала теперь это самое по отношенію къ здоровенному, добродушному казаку-удальцу, съ необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами, который провожалъ ихъ и который былъ особенно пріятенъ обѣимъ женщинамъ своей простой и добродушной ловкостью. Кромѣ Трезорки, на котораго Альбина грозилась, не позволяя ему нюхать подъ сидѣньемъ, она теперь забавлялась Лудвикой и ея комическимъ кокетствомъ съ неподозрѣвающимъ приписываемыя ему намѣренія, добродушно улыбающимся на все, что ему говорили, казакомъ. Альбина, возбужденная и опасностью, и начинающимъ осуществляться успѣхомъ дѣла, и степнымъ воздухомъ, испытывала давно неиспытанное ею чувство дѣтскаго восторга и веселья. Мигурскій слышалъ ея веселый говоръ и тоже, несмотря на скрываемую имъ физическую тяжесть своего положенія (особенно жарко ему было и жажда его мучила), забывая о себѣ, радовался на ея радость.

Къ вечеру второго дня стало виднѣться что-то въ туманѣ. Это былъ Саратовъ и Волга. Казакъ своими степными глазами видѣлъ и Волгу, и мачту и указывалъ ихъ Лудвикѣ. Лудвика говорила, что видѣла тоже. Но Альбина ничего не могла разобрать и только нарочно громко, чтобы слыхалъ мужъ, говорила:

— Саратовъ, Волга,—какъ будто разговаривая съ Трезоромъ, разсказывала мужу Альбина все то, что она видѣла.

XI.

Не въѣзжая въ Саратовъ, Альбина остановилась на лѣвой сторонѣ Волги въ слободѣ Покровской, противъ самаго города. Здѣсь она надѣялась въ продолженіе ночи успѣть переговорить съ мужемъ и даже вывести его изъ ящика. Но казакъ во всю короткую, весеннюю ночь не отходилъ отъ тарантаса, сидѣлъ подлѣ него въ стоявшей подъ навѣсомъ пустой телѣгѣ. Лудвика, по распоряженію Альбины, сидѣла въ тарантасѣ и, будучи вполнѣ увѣрена, что казакъ ради нея не отходитъ отъ

тарантаса, мигая, смѣялась и закрывала свое рябое лицо платкомъ. Но Альбина не видѣла ужъ въ этомъ ничего веселаго и все больше и больше тревожилась, не понимая, для чего казакъ такъ неотлучно держался около тарантаса.

Нѣсколько разъ въ короткую ночь съ зарей, сливающейся съ зарей, Альбина выходила изъ горницы постоялаго двора мимо вонючей галлереи на заднее крыльцо. Казакъ все не спалъ и, спустивъ ноги, сидѣлъ на стоявшей подлѣ тарантаса пустой телѣгѣ. Только передъ разсвѣтомъ, когда пѣтухи уже проснулись и перекликались со двора на дворъ, Альбина, сойдя внизъ, нашла время переговорить съ мужемъ. Казакъ храпѣлъ, развалившись въ телѣгѣ. Она осторожно подошла къ тарантасу и толкнула ящикъ.

— Юзе!—Отвѣта не было.—Юзе, Юзе!—съ испугомъ громче проговорила она.

— Что ты, что?—соннымъ голосомъ проговорилъ Мигурскій изъ ящика.

— Что ты не отвѣчалъ?

— Спалъ,—проговорилъ онъ, и она по звуку голоса узнала, что онъ улыбался.—Что же, выходить?—спросилъ онъ.

— Нельзя, казакъ тутъ,—и, сказавъ это, она взглянула на казака, спящаго въ телѣгѣ.

И удивительное дѣло, казакъ храпѣлъ, но глаза его, добрые, голубые глаза, были открыты. Онъ смотрѣлъ на нее и только, встрѣтившись съ ней взглядомъ, закрылъ глаза.

«Показалось мнѣ или точно онъ не спалъ?» спросила себя Альбина. «Вѣрно, подумалось», подумала она и опять обернулась къ ящику.

— Потерпи еще немного,—сказала она.—Поѣсть хочешь?

— Нѣтъ. Курить хочу.

Альбина опять взглянула на казака. Онъ спалъ.

«Да, это показалось мнѣ», подумала она.

— Я теперь поѣду къ губернатору.

— Ну, часъ добрый.

И Альбина, доставъ изъ чемодана платье, пошла въ горницу одѣваться.

Переодѣвшись въ свое лучшее вдовье платье, Альбина переѣхала Волгу. На набережной она взяла извозчика и поѣхала къ губернатору. Губернаторъ принялъ ее. Хорошенькая, улыбающаяся вдова-полька, прекрасно говорящая по-французски, очень понравилась молодящемуся старику-губернатору. Онъ все разрѣшилъ ей и просилъ ее пріѣхать еще завтра къ нему, чтобы получить отъ него приказъ къ городничему въ Царицынъ. Радуясь и успѣху своего ходатайства, и тому дѣйствію ея привлекательности, которое она видѣла въ манерѣ губернатора, Альбина, счастливая и полная надеждъ, возвращалась подъ гору по немощеной улицѣ на долгушкѣ къ пристани. Сольнце взошло уже выше лѣса и косыми лучами играло и на рябящей водѣ огромнаго разлива. Справа и слѣва по горѣ виднѣлись, какъ бѣлыя облака, облитыя пахучимъ цвѣтомъ яблони. Лѣсъ мачтъ виднѣлся у берега, и паруса бѣлѣли на играющемъ на солнцѣ рябящемъ отъ вѣтерка разливѣ. На пристани, разговорившись съ извозчикомъ, Альбина спросила, можно ли нанять лодку до Астрахани, и десятки шумливыхъ веселыхъ лодочниковъ предложили ей свои услуги и лодки. Она сговорилась съ однимъ изъ лодочниковъ, больше другихъ понравившимся ей, и пошла смотрѣть его лодку-косовушку, стоявшую въ тѣснотѣ другихъ лодокъ у пристани. На лодкѣ была устанавливающаяся небольшая мачта съ парусомъ, такъ что можно было итти вѣтромъ.

Въ случаѣ безвѣтрія были весла и два здоровые, веселые бурлаки-гребца, сидѣвшіе на солнцѣ въ лодкѣ. Веселый, добродушный лоцманъ совѣтовалъ не оставлять тарантаса, а, снявъ съ него колеса, поставить на лодку. «Какъ разъ уставится и вамъ покойнѣе сидѣть будетъ. Дастъ Богъ погодку, дней въ пятокъ до Астрахани добѣжимъ».

Альбина сторговалась съ лодочникомъ и велѣла ему притти въ Покровскую слободу, на Логиновъ постоялый дворъ, чтобы посмотрѣть тарантасъ и получить задатокъ. Все удавалось лучше, чѣмъ она ожидала. Въ самомъ восторженно-счастливомъ состояніи Альбина переѣхала Волгу и, разсчтясь съ извозчикомъ, направилась къ постоялому двору.

Казакъ Данило Лифановъ былъ изъ Стрѣлецкаго Умета на Общемъ Сыргу. Ему было 34 года и онъ отслуживалъ послѣдній мѣсяцъ своего срока казацкой службы. У него въ семьѣ былъ старикъ 90-лѣтній дѣдъ, помнящій еще Пугачева, два брата, сноха старшаго брата, за старую вѣру сосланнаго въ каторгу въ Сибирь, жена, двѣ дочери и два сына. Отецъ его былъ убитъ на войнѣ съ французами. Онъ былъ старшимъ въ домѣ. У нихъ во дворѣ было 16 коней, два цабана быковъ, и было распахано и засѣяно пшеницей своей вольной земли 15 сотенниковъ. Онъ, Данило, служилъ въ Оренбургѣ, въ Казани и теперь кончалъ срокъ. Онъ твердо держался старой вѣры: не курилъ, не пилъ и не ѣлъ изъ одной посуды съ мірскими, и такъ же строго держался присяги. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ былъ медлительно твердо обстоятеленъ, и на то, что ему поручено было дѣлать отъ начальства, употреблялъ все свое вниманіе и не забывалъ ни на минуту, пока не исполнилъ всего, какъ онъ понималъ, своего назначе

Теперь ему велѣно было проводить до Саратова

двухъ полячекъ съ гробами такъ, чтобы надъ ними дорогой ничего худого не сдѣлали, чтобы онѣ ѣхали смирно и никакихъ шалостей не дѣлали, и въ Саратовѣ честь-честью сдать ихъ начальству. Такъ онъ и доставилъ ихъ до Саратова и съ собачкой, и со всѣми съ гробами ихними. Бабы были смирныя, ласковыя, хоть и полячки, а ничего худого не дѣлали. Но тутъ, въ Покровской слободѣ, ввечеру, онъ, проходя мимо тарантаса, увидалъ, что собаченка вспрыгнула въ тарантасъ и тамъ стала визжать и хвостомъ махать, и изъ подъ сидѣнья тарантаса ему послышался чей-то голосъ. Одна изъ полячекъ, старая, увидавъ собаченку въ тарантасѣ, испугалась чего-то, схватила обаченку и унесла.

«Что то тутъ есть», подумалъ казакъ и сталъ примѣчать. Когда молодая полячка вышла ночью къ тарантасу, онъ притворился, что спитъ, и явственно услыхалъ мужской голосъ изъ ящика. Рано утромъ онъ пошелъ въ полицію и заявилъ о томъ, что полячки, какія ему поручены, не добромъ ѣдутъ, а вмѣсто мертвыхъ везутъ какого-то живого человѣка въ ящикѣ.

Когда Альбина въ своемъ восторженно-веселомъ настроеніи, увѣренная въ томъ, что теперь все кончено и они черезъ нѣсколько дней будутъ свободны, подошла къ постоялому двору, она съ удивленіемъ увидала у воротъ щегольскую пару съ пристяжкой на отлетѣ и двухъ казаковъ. Въ воротахъ толпился народъ, заглядывая во дворъ.

Она была такъ полна надежды и энергіи, что ей и въ голову не пришла мысль о томъ, что эта пара и толпившійся народъ имѣютъ отношеніе къ ней. Она вошла во дворъ и, въ одно и то же время, взглянувъ подъ тотъ навѣсъ, гдѣ стоялъ ея тарантасъ, увидала, что народъ толпится именно около ея тарантаса, и въ

то же мгновеніе услыхала отчаянный лай Трезорки. Случилось то самое ужасное, что только могло случиться. Передъ тарантасомъ, блестя своимъ чистымъ мундиромъ, съ сіяющими на солнцѣ пуговицами и полупогонами и лаковыми сапогами, стоялъ осанистый съ черными бакенбардами человѣкъ и говорилъ что-то громко хриплымъ, повелительнымъ голосомъ. Передъ нимъ между двумя солдатами въ крестьянскомъ нарядѣ съ сѣномъ въ спутанныхъ волосахъ стоялъ ея Юзе и, какъ бы недоумѣвая о томъ, что вокругъ него дѣлалось, поднималъ и опускалъ свои могучія плечи. Трезорка, не зная того, что онъ былъ причиной всего несчастья, ощетинившись, озлобленно лаялъ на полицеймейстеръ. Увидавъ Альбину, Мигурскій вздрогнулъ, хотѣлъ подойти къ ней, но солдаты удержали его.

— Ничего, Альбина, ничего!—проговорилъ Мигурскій, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

— А вотъ и барынька сама!—проговорилъ полицеймейстеръ.—Пожалуйте сюда. Гробы вашихъ младенцевъ, а?—сказалъ онъ, подмигивая на Мигурскаго.

Альбина не отвѣчала и только, схватившись за грудь, раскрывъ ротъ, съ ужасомъ смотрѣла на мужа.

Какъ это бываетъ въ предсмертныя и вообще рѣшительныя въ жизни минуты, она въ одно мгновеніе перечувствовала и передумала бездну чувствъ и мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не понимала еще, не вѣрила своему несчастью. Первое чувство было знакомое ей давно—чувство оскорбленной гордости при видѣ ея героя-мужа, униженнаго передъ тѣми грубыми, дикими людьми, которые держали его теперь въ своей власти. «Какъ смѣютъ они держать его, этого лучшаго изъ всѣхъ людей, въ своей власти?» Другое чувство, одновременно съ этимъ охватившимъ ее, было сознаніе совершившагося несчастья. Сознаніе же несчастья вызвало въ ней воспоминанье о главномъ несчастьѣ ея жизни, о смерти дѣтей. И сейчасъ же возникъ вопросъ: за что, за что отняты дѣти? Вопросъ же: за что отняты дѣти? вызвалъ вопросъ: за что теперь гибнетъ, мучается любимый, лучшій изъ людей, ея мужъ? И тутъ же она вспомнила о томъ, какое ждетъ его позорное наказаніе, и то, что она, она одна виновата въ этомъ.

— Кто онъ вамъ? Мужъ онъ вамъ?—повторилъ полицеймейстеръ

— За что, за что?—вскрикнула она и, закатившись истерическимъ хохотомъ, упала на снятый теперь съ козелъ и стоявшій у тарантаса ящикъ. Вся трясущаяся отъ рыданій, съ залитымъ слезами лицомъ Лудвика подошла къ ней.

— Паненка, милая паненка! Якъ Бога кохамъ, ничего не будетъ, ничего!—говорила она, безсмысленно водя по ней руками.

На Мигурскаго надѣли наручники и повели со двора. Увидавъ это, Альбина побѣжала за нимъ.

— Прости, прости меня!—говорила она.—Все я! Я одна виновата!

— Тамъ разберутъ, кто виноватъ. И до васъ дѣло дойдетъ,—сказалъ полицеймейстеръ и рукою отстранилъ ее.

Мигурскаго повели къ переправѣ, и Альбина, сама не зная, зачѣмъ она дѣлала это, шла за нимъ и не слушала уговаривающую ее Лудвику.

Казакъ Данило Лифановъ во все это время стоялъ у колесъ тарантаса и мрачно взглядывалъ то на полицеймейстера, то на Альбину, то себѣ на ноги.

Когда Мигурскаго увели, оставшійся одинъ Трезорка, махая хвостикомъ, сталъ ласкаться къ нему. Онъ привыкъ къ нему во время дороги. Казакъ вдругъ отслонился отъ тарантаса, сорвалъ съ себя шапку,

швырнулъ ее изо всѣхъ силъ наземь, откинулъ ногой отъ себя Трезорку и пошелъ въ харчевню. Въ харчевнѣ онъ потребовалъ водки и пилъ день и ночь, пропилъ все, что было у него и на немъ, и только на другую ночь, проснувшись въ канавѣ, пересталъ думать о мучившемъ его вопросѣ: хорошо ли онъ сдѣлалъ донеся начальству о полячкиномъ мужѣ въ ящикѣ.

Мигурскаго судили и приговорили за побѣгъ къ прогнанію сквозь 1000 палокъ. Его родные и Ванда, имѣвшая связи въ Петербургѣ, выхлопотали ему смягченіе наказанія, и его сослали на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Альбина поѣхала за нимъ.

Николай же Павловичъ радовался тому, что задавилъ гидру революціи не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ, и гордился тѣмъ, что онъ не нарушилъ завѣтовъ русскаго самодержавія и для блага русскаго народа удержалъ Польшу во власти Россіи. И люди въ звѣздахъ, въ золоченыхъ мундирахъ такъ восхваляли его за это, что онъ искренно вѣрилъ, что онъ великій человѣкъ и что жизнь его была великимъ благомъ для человѣчества и особенно для русскихъ людей, на развращеніе и одуреніе которыхъ были безсознательно направлены всѣ его силы.

